

МИР ПАУКОВ

КОЛИНА
УИЛСОНА

БАШНЯ. КОЛЛЕГИЯ

Колин Генри Уилсон

Коллегия

Серия «Мир Пауков», книга 4

Вычитка – KLex
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=149771

Аннотация

Один из самых известных фантастических сериалов, начало которому положили произведения знаменитого британского писателя и мыслителя Колина Уилсона, получил свое продолжение в работах отечественных авторов. Мир, где Земля полностью преобразена после космической катастрофы. Мир, где пауки обрели волю, разум и власть. Мир, где обращенный в раба человек должен вступить в смертельную борьбу, чтобы вернуть себе свободу. Мир пауков становится НАШИМ миром.

Содержание

Коллегия	4
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Колин Уилсон

Коллегия

Первый проблеск сознания у Найла был сопряжен с мучительной болью.

Глотка саднила так, будто он проглотил докрасна раскаленный вертел; тяжело бился в висках пульс.

Попробовал сесть, но тут же на лоб легла прохладная ладонь и ласково, однако настойчиво, заставила опуститься головой обратно на подушку.

Мало-помалу боль будто бы начала униматься...

В следующий раз Найл очнулся, когда комната была уже полна бледно-голубого света. Он лежал на широкой кровати, раскинув поверх одеяла голые руки.

Через прозрачную голубую стену виднелось большое дерево с желтыми цветами, затеняющее комнату от солнечного света. Потолок покрывали узоры, напоминающие зеленые капли-листья.

Найл поднес руку к горлу, пальцы наткнулись на что-то твердое. Шея, оказывается, была обмазана напоминающим сухую глину веществом, которое сверху плотно стягивали бинты. Тут до Найла дошло, что он раздет, а медальона на шее нет. Он тревожно шевельнулся и тогда увидел, что одежда сложена аккуратной стопкой возле постели на стуле, а

медальон лежит сверху. По соседству лежала и раздвижная трубка. Найл вздохнул с облегчением.

Дверь отворилась, и в дверном проеме показалась Селима. Увидя, что Найл не спит, улыбнулась.

– Тебе лучше?

– Гораздо. – А у самого голос какой-то неестественно-сдавленный, сиплый.

– Голосок у тебя, как у моего дедушки, – сказала Селима с ласковым смешком. Она села возле него на постель и аккуратно положила ладони ему на щеки. Стало приятно, прохладно; нечто подобное он ощущал нынче ночью. И горло уже не так саднит.

– Как это у тебя получается? Что-нибудь в руках?

– Ничего. – Она показала ладони. – Это у меня от матери. В нашей семье все сплошь были знахари.

Найла будто повлекло вниз по медленному ручью, текущему под аркой зеленых ветвей. Постепенно он канул в глухой омут сна.

Когда очнулся снова, возле кровати стоял Доггинз. Окно было открыто, и с улицы доносились голоса детей, играющих возле фонтана. Из-за спины Доггинза выглядывал пожилой мужчина. Загорелое лицо, изборожденное морщинами, глубоко посаженные, пронзительные серые глаза. Незнакомец был одет в поношенную, выцветшую, словно увядший мох, тунику и имел при себе такого же цвета сумку.

– Это Симеон, – представил мужчину Доггинз, – наш ле-

карь. Найл кивнул, пытаясь вымолвить что-нибудь приветственное, но из горла выдавилось лишь сухое сипение.

Симеон пристально взгляделся в лицо молодого человека (интересно, в серых глазах словно подрагивают точки света), затем взял его за запястье. Пощупав пульс, положил Найлу ладонь на щеку – когда коснулся, чуть щипнуло, – затем опустил на постель сумку и вынул из нее короткий нож с узким увесистым лезвием. Им он принялся аккуратно резать опоясывающий горло Найла пластырь. После нескольких длинных, глубоких надрезов его удалось стянуть. Воздух неприятно охлаждал обнажившуюся кожу.

Подавшись вперед, лекарь коснулся горла Найла указательным пальцем, отчего юноша болезненно поморщился.

– Что скажешь? – озабоченно спросил лекаря Доггинз.

– Ему повезло. Еще пара сантиметров вправо, и был бы покойником. – Голос у Симеона был низкий, глубокий; не голос – рык.

Найл попробовал высмотреть, что там делается на шее, – куда там. Доггинз поднял с ночного столика зеркальце, повернул так, чтобы Найл мог видеть. На полированной стальной поверхности отразилась невероятного вида, вся в кровоподтеках, образина. Белки глаз налиты кровью, щеки покрыты красными и лиловыми отметинами, напоминающими синяки. На глотке четко различались отпечатки пальцев, желтые с лиловым.

– Что с Одиной? – осведомился он у Доггинза.

– Схоронили нынче утром.

– Нынче утром?

– Да. Ты здесь лежишь без чувств вот уж два дня. У тебя был жар.

Симеон достал из сумки склянку с бурой жидкостью.

– Открой рот.

Найл повиновался и почувствовал, как на язык ему упало несколько капель прохладной жидкости.

– Будет жечь. Закрой глаза и старайся не сглатывать.

Растекшись по рту, жидкость словно воспламенилась. Вот она дошла до глотки, и боль стала невыносимой. Найл зажмурился и уперся головой в обитую тканью спинку кровати. Через несколько секунд боль переплавилась в приятное тепло. Найл не сдержался, сглотнул. Одновременно с тем тепло существенно сгладило боль в дыхательном горле. Затем все тело окутала приятная осоловелость.

– Чудесное снадобье, – заметил Найл с дремотным блаженством.

– Называется шакальей травой, из Великой Дельты.

– Ты был в Дельте? – Найл удивленно расширил глаза.

– Много раз.

– Ты мне о ней расскажешь?

– Да, только не сейчас. Отдыхай пока.

Доггинз и лекарь удалились, оставив Найла одного. И хотя он ощущал теперь глубокую расслабленность, сонливость уже не чувствовалась. Тут вспомнилась Одина, последний ее

поцелуй – Найла заполнила жалость и горечь утраты, глаза затуманились от слез. Найл не утирал их, и они струйками сбегали по щекам. В свое время он тяжело перенес гибель отца, но страдал, как оказавшийся в одиночестве ребенок. Теперь же это была безутешная мука взрослого, утратившего любимого человека.

Казалось невыразимо обидным и жестоким, что вот так, в расцвете сил и красоты, человек уходит в землю.

Следующие полчаса Найлом безраздельно владела темная меланхолия и пессимизм. Поневоле напрашивался вывод, что вся жизнь – трагическая ошибка, и невидимые силы, вершащие человечесьи судьбы, созерцают людей со скучливым презрением.

Размышления глубоко потрясли юношу, он словно заглянул в бездну. В конце концов, утомившись от собственной неприязни к жизни, Найл погрузился в дремоту.

Разбудила Селима, входящая в дверь с подносом.

Она улыбнулась так открыто и радостно, что в ответ сердце встрепенулось и у Найла.

– Ты выглядишь намного лучше!

– Правда?

Она поднесла зеркальце, и Найл увидел, что белки глаз у него больше не тронуты краснотой, и кровоподтеки с лица считают что сошли. Синяки на глотке, вчера еще лиловые, обтаяли, приняв изжелта-бурый оттенок. Селима присела на кровать и поместила поднос Найлу на грудь.

– Отведай.

Он отхлебнул нежирного бульона – вкус просто изумительный. К удивлению, глоталось почти без боли.

Проглатывать ноздреватый черный хлеб с янтарным маслом оказалось трудновато, но ощущать в желудке пищу было так приятно, что Найл все стерпел.

Пока он ел, само удовольствие от вкушения пищи вытеснило последние остатки недавней меланхолии.

– Вы испугались, когда пауки обступили город? – спросил он Селиму.

– Еще бы. Кое-кто, правда, был спокоен – из тех, кто уверен, что жуки сумеют защитить. Но я сама росла среди пауков и знаю, насколько они опасны.

– Как жукам удалось не пустить пауков в город?

Селима, похоже, была удивлена.

– Ты разве не знаешь? Они используют силу воли. Не скажу точно, как это называется, но они вроде бы смыкают волю, каждый свою, в общую сеть.

– Понимаю. То же самое делают и пауки. Но как жуки прознали, что на них собираются напасть?

– Они вообще всегда начеку. А едва лишь узнали, что вы отправились в паучий город добывать взрывчатку, так сразу смекнули, чем это может обернуться.

– И ты полагаешь, пауки больше не нападут?

Она с улыбкой покачала головой.

– Теперь-то уж нет. Когда у нас есть жнецы...

– Ты что, знаешь и про жнецы?

– Разумеется. Все знают. – Она подняла поднос. – Ну, а теперь пора отдохнуть.

Когда Селима открыла дверь, Найл вслед спросил:

– Там хоть что-то известно, как с остальными, добрались ли?

– Да. Все возвратились благополучно. У Гастура шар сел прямо в реку, до берега добирались вплавь. А Милтон так еще и привел нескольких ребятишек, подобрал их в лесу.

– Что за ребятишки? – живо осведомился Найл. Селима посмотрела как-то странно, таинственно.

– Твоих сестренек среди них нет. Найл ответил ошеломленным взглядом.

– Откуда тебе известно, что у меня есть сестренки?

Та опять посмотрела с непонятым, загадочным видом и вышла, оставив дверь открытой. Найл широко раскрытыми глазами глядел ей вслед, недоумевая, что все это значит. Тут в коридоре послышались шаги, и в дверях появилась одетая в синее девушка.

– Дона!

Девушка бросилась к кровати, обвила Найла руками за шею и припала губами к его губам.

У Найла, успевшего позабыть приятное тепло ее уст, перехватило дыхание.

Возвратившаяся Селима сказала с мягкой укоризной:

– Его нельзя волновать. Ему еще долго предстоит наби-

раться сил.

– Я не буду его тревожить, обещаю! Выпустив Найла из объятий. Дона села у него в ногах.

Лучась от счастья, они, не отрываясь, смотрели друг на друга, словно не веря, что снова вместе.

– Я приду через несколько минут, – сказала Селима и удалилась, деликатно притворив за собой дверь.

– Как там мои сестренки? – первым делом спросил Найл. Улыбка сошла с лица Доны.

– Их позавчера забрали. Служительница, которая забира-ла, сказала, что отведет их к матери.

– Это было в день взрыва?

– Где-то за пару часов.

Такую новость, в общем-то, следовало ожидать. Как раз тогда они торговались с Каззаком. Его сестренкам отводи-лось место в той сделке.

Вытянув руку, девушка коснулась ладони Найла.

– Извини.

Найл пожал плечами.

– Может, оно и к лучшему. Если пауки держат их залож-ницами, то, вероятно, не тронут. – Он намеренно сузил свое мышление, не давая проникнуть в него ядовитому страху. – Ты лучше расскажи, как тебе удалось бежать.

– Я как раз гуляла на лужайке с ребяташками, когда рва-нуло. Под ногами вдруг заходило ходуном, я подумала, что землетрясение. У нас однажды трясло в Дире, местами да-

же стены завалились. Поэтому я велела ребятишкам сесть на землю и не бояться. И тут пауки ошалели. Забегали, как чумные, не соображая, что делают. Один даже в реку залетел. Ты не знаешь, с чего бы?

– Знаю. Они общаются меж собой сигналами напрямую. Поэтому, когда худо одному, это чувствуют и остальные. Они ощущали предсмертные муки друг друга. Ну, а дальше что было?

– Дальше небо стало темным от дыма, ребятня закашляла. Окна детской все как есть полопались, но серьезно, похоже, никто не пострадал. А затем ушли служительницы – сели в лодки и перебрались за реку. Дыму все прибывало, я уж испугалась, что все позадохнутся. Потом велела детям идти за мной, и мы пошли. Никто даже слова не сказал, на улицах совсем пусто было. Мы взяли и двинулись в сторону холмов.

– И куда же вы рассчитываете попасть?

– Мне было все равно, лишь бы подальше от пауков. Вот мы шлишли и, наконец, попали в пригород. Через какое-то время дети устали и, само собой, есть захотели. К счастью, набрали мы на сад с яблоками и сливами, да еще ручей оказался поблизости, и там с час отдыхали. Тут кто-то из ребятишек мне и скажи, что видел паучий шар. Я подобралась к кустам, тихонько выглянула. Вижу, и вправду: шар, а в нем трое в желтой одежде. Я поняла, что это слуги жуков. Мы смотрели за шаром, пока тот не опустился куда-то за лес. Тогда я сказала ребятишкам, что пойдем полем, и мы дошли

до самых деревьев. Тут все стали кричать, аукать, и те трое вышли и увидели нас. Они нас сюда и привели.

– Далеко добираться пришлось до города жуков?

– Не столько далеко, сколько долго. Мы же шли все время с оглядкой – а вдруг пауки? Их в полях оказалось полным-полно. Мы сначала думали, это нас разыскивают. С одним так вообще сшиблись чуть не лоб в лоб, когда тот неожиданно вылез из кустов, – а он на нас и не глянул. Я подумала: и что это с ним такое стряслось?

– А почему ты так подумала?

– Он брел нетвердо, будто сонный или раненый. Или просто очень устал.

Дверь приоткрылась, в комнату заглянула Селима.

– Ему, наверное, пора отдыхать.

– Иду, иду. – Дона светло улыбнулась Найлу и вышла.

Только теперь Найл почувствовал, как он устал. Попробовал было поразмыслить над рассказом Доны, но мысли плыли. Тем не менее от сознания, что с ней все в порядке, на душе становилось теплее. И, засыпая, он думал о ней.

Ему приснилось, что он летит над паучьим городом на шаре. В воздухе вилась гарь, видно было, как от квартала рабов поднимается дым.

Разрушения были поистине ужасающими: улица за улицей превращены в мусор. Ясно различалась окаймленная зелеными газонами площадь со зданием городского зала собраний, однако, само сооружение тоже рухнуло, стоять оста-

лись лишь две полуразрушенные стены. К югу, на месте казарм, теперь виднелось широкое водное пространство, соединенное с рекой широким, нечеткой формы, каналом. Подлетев ближе, Найл разглядел паучьи туши, плавающие в бурой воде брюхом кверху.

Пролетев над рекой, шар продрейфовал в нескольких метрах от Белой башни. В этой части города, судя по всему, основная часть зданий осталась невредимой, но на улицах повсюду виднелось битое стекло. Проплывая затем вблизи дворца Каззака, Найл свесился из мешка, пытаясь заглянуть в окна. Именно в этот момент его окликнул голос матери. Сложив ладони рупором, Найл прокричал:

– Я здесь! Где ты?

– Здесь, в спальне!

Голос был таким ясным, будто доносился с нескольких метров. Юноша, вздрогнув, очнулся и шалыми от сна глазами оглядел комнату, ожидая увидеть мать. Стоял полумрак, и комната была пуста.

Какой-то миг Найл был близок к тому, чтобы разрыдаться от нахлынувшего отчаяния и одиночества. И тут, взглядевшись в лиловый небосвод за окном, внезапно осознал ее присутствие.

Едва закрыв глаза и сосредоточась, он различил мать, сидящую, скрестив ноги, на полу дворцовой опочивальни; глаза закрыты.

Сознания матери и сына слились в контакте, и Найл по-

чувствовал радость и облегчение, узнав из ее послания, что с родными все благополучно.

Но когда сам попытался отправить встречный сигнал, сосредоточенность поколебалась: мозг все еще находился наполовину в объятиях сна. Контакт был утерян, и Найл остался один.

Через несколько минут в дверь заглянул Доггинз.

– Ну как, получше?

– Намного, спасибо.

– До собрания дойдешь, ничего? У Найла опустилась душа.

– Как, еще одно собрание Совета?

– Нет, на этот раз только люди. Но мне, видимо, понадобится твоя поддержка.

– Моя поддержка? – переспросил Найл удивленно.

– Да, на нашей коллегии; навроде гражданского собрания.

Ходит слух, что там попытаются протащить решение осудить мои действия.

– А это, что, сколько-нибудь серьезно?

– Еще бы. Могут приказать мне уничтожить жнецы.

– Какая блажь!

Доггинз не успел ответить – в дверь постучали. Вошла Селима, неся с собой лампу, залившую комнату необычайно ярким светом. Найл посмотрел на лампу с удивлением:

– Что это?

– Обыкновенный газовый фонарь. Своего рода семейная

тайна. Изобретение моего деда, но использовать его нам никогда не разрешалось.

– Почему? Доггинз раздраженно передернул плечами.

– Раскоряки утверждают, что это механизм.

– Как он действует?

– Вот сюда заливается нефть, – Доггинз постучал по блестящему металлическому шарик у возле основания фонаря. – Насосик гонит ее вверх по трубке, и она испаряется, ударяясь о керамическую сетку накаливания. На самом деле просто.

Найл широко раскрытыми глазами смотрел на фонарь. Интриговал не столько внешний вид устройства, сколько впечатление, что он уже полностью с ним знаком. И тут мгновенная вспышка интуиции дала ответ. Как и умение читать, это знание было вживлено ему в память Стигмастером.

В миг озарения Найл ощутил в себе множество других фрагментов знания, дремлющих в глубинах памяти; несколько секунд он чувствовал ошеломляющую раздвоенность, будто его собственная сущность была под вопросом.

Доггинз полез в ящик стола.

– Вот еще один образчик запретного знания. На кровать шлепнулась увесистая книга. Найл взглянул на обложку: «Принципы электроники».

– Почему запретного?

– Потому что все книги запрещены. Пункт двадцать второй Договора о примирении гласит: «Книгопечатание и книгопечатание запрещается под страхом смерти». Потому книги

по большей части хранятся в музеях, запертые в стеклянные ящики.

– Но ты же умеешь читать?

– А как же. Здесь все по большей части грамотны. Это секрет, передаваемый от отца к сыну. Но если пауки узнают, мы окажемся в беде. Двадцать лет назад случайно всплыло, что один из наших умеет читать – девяностолетний старик. Так ведь настояли на казни.

– И жуки пошли на это?

– А куда денешься? Ведь речь шла о положениях Договора.

Найл листал страницы книги, теряясь от обилия математических формул.

– Кто обучил тебя грамоте? – как бы между прочим спросил вдруг Доггинз.

Найлу потребовалась секунда, чтобы осмыслить вопрос. Затем он удивленно вскинул голову.

– А как ты догадался?

– Вон зрачки как движутся. Так кто тебя обучил?

– Машина, – ответил Найл, улыбнувшись. Доггинз зыркнул на него из-под опущенных бровей.

– Та самая, что подкинула тебе пищевые таблетки?

Найл засмеялся такой дотошности.

– Точно.

– А где она, твоя машина?

– В Белой башне.

У Доггинза расширились глаза.

– Ты серьезно? Найл кивнул.

– Ты что, там был?

– Да.

Лицо Доггинза внезапно побледнело.

– Как ты пробрался туда?

– Вот с этим. – Найл протянул руку и взял трубку, лежащую на стопке одежды. Нажал на кнопку – трубка раздвинулась. Он вручил ее Доггинзу. – Ты что-нибудь чувствуешь?

– Вроде как покалывает. – Доггинз старался говорить спокойно, но голос срывался и рука подрагивала, выдавая волнение. – Где ты ее раздобыл?

– Нашел в пустыне.

Найл подробно рассказал, как они с отцом нашли укрытие от песчаной бури и как ветер обнажил древние развалины. Когда стал описывать блестящую машину, Доггинз кивнул.

– Наверно, «кузнечик». Основной вид дальнерейсового транспорта в конце двадцать первого века. – Он взглянул на трубку у себя в руках. – Но сам я прежде никогда их не видел. Извини, продолжай.

Когда Найл подошел к тому, как он пробирался в башню, волнение Доггинза возросло еще сильнее; он, очевидно, уж и усидеть не мог на месте. Лицо из бледного сделалось пунцовым. Найл с ошеломлением почувствовал, как от Доггинза лучится некая почти осязаемая сила, кажущаяся удивительно навязчивой, почти гнетущей. Юноша испытал облегче-

ние, когда при описании Стигмастера Доггинз его прервал:

– Нет, теперь пусть только попробуют сказать, что я не прав! Глорфин все уши прожужжал, что надо довольствоваться тем, что у нас есть, и не высовываться...

– Глорфин?

– Наш гражданский лидер, глава коллегии. Он говорит, нам судьбу надо благодарить, что мы в услужении именно у жуков, и жить себе, пока живется. Но какой был смысл людям прежних времен накапливать все эти знания, если они пропадают зря?

– Они рассчитывали, что мы ими воспользуемся, когда окажемся готовы.

– Вот мы уже и готовы, – бойко подытожил Доггинз. – Я с рождения готов. Найл покачал головой.

– Старец говорил, что есть нечто, о чем он не может мне сказать. То, что я должен уяснить сам...

– Что именно?

– Например, как свергнуть пауков.

– Это мы выяснили. – Волнение полностью овладело Доггинзом. – Что еще?

– Не могу припомнить, – с сомнением сказал Найл. – Но он, похоже, подразумевал, что есть нечто такое, что откроется мне только со временем...

– А ты как думал! – Доггинз порывисто вышагивал взад-вперед по комнате, в свете фонаря его тень жила своей собственной жизнью. – Так во всем. Нельзя оценить по досто-

инству того, что слишком легко дается. Но этого я ждал всю свою жизнь... – В дверь постучали. – Ч-черт! – Доггинз от досады дернул головой.

– Члены коллегии уже здесь, ждут в столовой.

– Ну, надо же, в такой момент! – Он с усилием овладел собой. – Ладно, скажи им, что будем через несколько минут. – Когда Селима вышла, выдвинул ящик стола. – На-ка, наде-нешь, – и кинул Найлу желтую тунику слуги жуков.

Найл проворно облачился и повесил на шею медальон. И случайно заметил, что у Доггинза на шее что-то висит.

– Что у тебя там?

Доггинз усмехнулся со странной игривостью. Из-под ту-ники он вытянул... медальон, почти такой же, что и на шее у Найла, только серебристый. И тут Найл понял.

– Так вот почему на меня так действовали твои мысли! У тебя эта штукавина, оказывается, повернута на меня.

Доггинз взвесил медальон на ладони.

– Я его позаимствовал в музее. Ты мне вот что скажи. У тебя не бывает так, что от него становится невмоготу?

– На первых порах было. Освоишься.

– Слава Богу, если так. А то весь день хожу как выжатый. Ты свой в башне раздобыл? – Найл кивнул. – Дашь попро-бовать?

Они обменялись медальонами. Едва повесив на себя доггинзовский, Найл почувствовал разницу. Вначале пока-залось, что этот гораздо сильнее, затем стало ясно, что де-

ло здесь не просто в силе. Как и у него, этот медальон собирал волю в единый тугой луч, если направлять его внутрь; если наружу, то воля рассеивалась на окружающее. Но было в этой силе что-то жестокое и грубое, словно громкий повелительный окрик.

Минуты не прошло, как голова у Найла уже разбухла от тяжести.

– Этот, похоже, не такой сильный, – рассудил Доггинз и бросил медальон Найлу. Тот, вместо того чтобы повесить его на шею, опустил в карман туники. Чутье подсказало, что пока организм ослаблен, медальон будет лишь ухудшать самочувствие.

Идя за Доггинзом по коридору, Найл обратил внимание, что из дверей на него повсюду посверкивает глазенками ребятня; оказывается, он здесь заметная персона.

Вошли в просторную комнату, основную часть которой занимал полированный стол овальной формы; массивный, разместится человек двадцать.

Большинство стульев вокруг было уже занято. Из присутствующих Найл узнал только троих – Милона, Уллика и Симеона, того самого лекаря.

Когда Доггинз вошел, все встали, но было видно, что это так, для проформы. Он занял место в конце стола, и Найлу указал сесть рядом. Невысокий бородач с обильной проседью, сидящий на противоположной стороне, прокашлялся.

– Прошу прощения, но допускается ли на официальных

заседаниях коллегии присутствие посторонних?

– Глорфин сам сказал, что хотел бы расспросить нашего гостя. А сделать это без его непосредственного присутствия, сами понимаете, затруднительно.

Коротышка-бородач густо покраснев.

– Он что, не может дождаться за дверьми, пока вызовут?

Раскраснелся и Доггинз. сверкнул сердито глазами.

– Нет, Пибус, не может. Он свободный человек и не обязан выстаивать за дверьми и отвечать на наши вопросы. Он может послать всех нас к чертям и уйти. Кроме того, он гость в моем доме...

Коротышка запунцовел и потупился под жестким взглядом Доггинза. Сидящий возле человек – длинный, лысый, с изнуренным лицом и выпяченной челюстью – кашлянул и коротко сказал:

– Принято к сведению. Все. Давайте начинать, – хотя было заметно, что он недоволен.

Доггинз опустил взгляд на гладь стола, будто бы принимая упрек, но по поджатым губам было ясно, что смирения в нем нет.

– Прежде чем начнем, – сказал лысый, – может, ты нам представишь своего гостя?

– Это Найл, – сказал Доггинз. – Родом из пустынного района Северного Хайбада.

– Это беглый раб, которого разыскивают пауки, я так понимаю? – Вопрос исходил от толстяка, макушку которого по-

крывали жесткие белые завитки.

Доггинз резко на него посмотрел.

– И не то, и, тем более, не другое. Корбин. Он не раб, поскольку родился на свободе. И не беглый, потому что попал сюда против воли, а следовательно, имеет полное право на побег.

Корбин тускло усмехнулся.

– Не слишком ли предвзятый ответ?

– Нет, – твердо сказал Доггинз. – Предвзято звучит именно твой вопрос.

– Давайте прекратим препирательства, – нетерпеливо прервал лысый. – Стоящий нынче перед коллегией вопрос предельно прост: правомерны ли твои действия? Ты сам как ответишь: да или нет?

– Я отвечу: да.

В глазах Глорфина мелькнуло недовольство. Было видно, что ему не нравится такой тон.

– Затрудняюсь понять, чем именно ты аргументируешь свой ответ. Разве не ты повел группу слуг в город пауков?

– Я, – кивнул Доггинз.

– У тебя было на то разрешение нашей коллегии или Совета наших хозяев?

– Нет.

– В таком случае, твои действия противоправны.

Доггинз категорично покачал головой.

– Никак не могу согласиться. За два часа до того, как нам

отправиться в квартал рабов, один из приближенных Хозяина возложил мне на голову длань и заявил, что отныне жуки считают меня одним из равных себе. То есть посвятил меня в почетный чин саарлеба. Из чего следует, что я имею право принимать решения, не спрашивая согласия у членов коллегии.

– Из чего следует, – встрял Пибус, – что у тебя появилось право устраивать вооруженные провокации против наших союзников?

– Никакой провокации не было, была элементарная самооборона.

– Милон и Уллик уже изложили свою точку зрения. Теперь же мы хотим выслушать и обсудить все то, что расскажешь нам ты.

Доггинз:

– Очень хорошо. Вы понимаете, что весь мой пороховой запас взлетел на воздух во время спектакля?

Небольшого роста остролицый человек прервал, спросив:

– Это происшествие и привело к твоему повышению?

– Да.

– Получается, повышение ты получил на ложных основаниях?

Доггинз и глазом не моргнул.

– Если ты, Зораб, желаешь повернуть вопрос именно так, тогда – да.

– Хорошо же, – сказал коротышка. – Пожалуйста, продол-

жай.

– Благодарю. Я оказался в положении Главного Взрывника, нарочно лишенного зарядов. Вот тогда я и принял решение найти и осмотреть казармы квартала рабов, поскольку из опыта знаю: где казармы, там обычно и склад боеприпасов. – Он вежливо оглядел сидящих по обе стороны стола. – Это и была единственная причина, толкнувшая меня сделать вылазку в квартал рабов. Признаю, это было импульсивное решение, но я чувствовал, что у меня есть на него право. Я не ждал какой-либо опасности. Если бы нас поймали, мы бы признались, что служим жукам, и безропотно приняли любое наказание, которое бы нам присудили. Все, кто отправился со мной, выразили наперед свое полное согласие. Потом дело приняло действительно нешуточный оборот, и я не скрываю в этом своей вины. Поэтому, чтобы уйти живыми, нам пришлось защищаться от пауков. Сожалею, но это было необходимо. Моей прямой обязанностью было не допустить гибели всех наших людей. Мы уже успели потерять троих, и я не мог допустить, чтобы потери увеличились.

Доггинз опустил на стул и прикрыл глаза. Наступила длительная пауза. Коллегия находилась под впечатлением.

Даже на Найла слова подействовали убеждающе, хотя он понимал, что сила доводов имеет связь скорее с медальоном, чем с самой речью.

Глорфин вздохнул.

– В таком случае, похоже, наша основная проблема – ре-

шить, как убедить пауков, что это не было преднамеренной провокацией.

– Ты думаешь, такое возможно? – с сомнением спросил Зораб.

– Не знаю. – Глорфин, очевидно, был весьма озабочен. – Нам остается лишь попытаться. На Найла посмотрел Корбин.

– Вероятно, начать надо будет с возвращения паукам беглого раба. Это станет залогом наших чистых помыслов.

Доггинз смерял его ледяным взором.

– От этого отказался сам Хозяин. Ты, видимо, считаешь себя вправе менять его решения?

Корбин покраснел и опустил глаза. Глорфин покачал головой.

– Надо быть реалистом. На данный момент мы, по сути, находимся с пауками в состоянии войны. Нельзя допустить, чтобы этот конфликт затянулся.

Доггинз посмотрел на него с улыбкой.

– Ты хочешь сказать, что надо поднять руки и сдать им на милость?

– У тебя есть какое-то иное предложение, более удачное? – Надо было отдать этому человеку должное: терпение и выдержка просто редкие.

Доггинз оглядел собрание:

– Да. Я предлагаю исходить из того, как обстоятельства складываются на сегодня.

Глорфин, а с ним и большинство собравшихся взглянули на Доггинза с плохо скрытым ужасом.

– Ты хочешь, чтобы война между нами продолжалась? – Он, очевидно, думал, что Доггинз спятил.

– Нет. – Доггинз снова оглядел стол (Найл чувствовал, как для вящей убедительности он использует силу медальона). – Я хочу примирения. Но на иных условиях. Вам известно, что Договор о примирении все преимущества оставил за пауками. Я желаю, чтобы теперь условия изменились в нашу пользу.

– Он повернулся к двери. – Селима!

Дверь открылась (очевидно, вся сцена была продумана заранее), и вошла Селима с газовым фонарем в руках. Его яркий свет наводнил всю комнату, отчего мелкие язычки масляных светильников показались никчемными.

Фонарь Селима поместила на середине стола и, пятясь, вышла из комнаты.

Пибус с ужасом вытаращил глаза.

– Ты что, с ума сошел? Это же вопиющее нарушение закона!

– Закона против чего, против света? – насмешливо переспросил Доггинз.

– Ты же знаешь, что это идет вразрез с Договором о примирении!

– Выходит, настало время пересмотреть договор, – сказал Доггинз со вздохом.

Глорфин окинул дерзкого суровым взглядом.

– Ты, видно, плохо представляешь себе положение. Наша задача – уговорить пауков примириться и... – он замялся, подыскивая нужное слово.

Доггинз едко усмехнулся:

– И простить нас?

– Да, и простить нас! – воскликнул Глорфин с вызовом. – Мы совершили против наших союзников ужасное преступление. А ты еще и намеренно осложняешь положение, пытаешься давить, чтобы они изменили договор. Об этом вообще не может быть речи. – Но голос его под взглядом Доггинза постепенно начал утрачивать твердость.

Доггинз пожал плечами.

– Не вижу, почему.

– Может, ты объяснишь нам, что у тебя на уме? – сказал раздраженно Корбин.

– Да, с удовольствием. – Доггинз чуть подался вперед, опершись руками о гладь стола. – Вы требуете, чтобы я рассуждал, как реалист. Очень хорошо, буду реалистом. Вы ломаете голову, как бы исхитриться повернуть стрелки вспять; хотите восстановить все так, как было неделю назад. А я хочу сказать, что такое невозможно. Пауки не собираются ни забывать, ни прощать. Они, понятно, готовы будут пойти на примирение, им война нужна не больше нашего. Но это будет фальшивый мир. Зная теперь, что мы опасны, они не успокоятся, прежде чем нас либо истребят, либо поработят.

Они просто будут ждать подходящего момента, чтоб напасть. И такую возможность мы им предоставим сразу же, как только уничтожим жнецы. Едва мы это сделаем, как станем безоружны.

Глорфин лишь покачал головой.

– У них гораздо больший резон напасть на нас, если мы не уничтожим жнецы.

– Резон, говоришь? – Доггинз саркастически усмехнулся. – Может быть. Но они вряд ли осмелятся.

Вид у Глорфина был попросту ошарашенный.

– Ты предлагаешь, чтобы мы оставались врагами?

Доггинз сверкнул на него раздраженно.

– Позволь-ка мне досконально разъяснить, что именно я предполагаю. – Он сделал паузу дольше обычного. – Пауки относятся к жукам как к ровне. Думаю, настало время заявить им, что и нас надо воспринимать таким же образом.

– Это невозможно! – дернулся Пибус. – Ты ждешь, что они освободят всех своих рабов и слуг?

Теперь Доггинз посмотрел на него без иронии.

– Этого им делать не придется. Их слуги вполне довольны тем, что имеют. Но ни для тебя, ни для меня не секрет, что происходит следом за тем, как их отсылают в «великий счастливый край». Так ведь?

– Ну... Мало ли какие слухи распускают, – хмыкнул Пибус.

– Понятно. Ты прикрываешься мыслью, что все это слухи.

Хотя тебе известно ничуть не хуже, чем мне, какова правда.

Вид у Пибуса был несчастный. Совершенно очевидно, что мысли у него и без того смешались, а убежденность Доггинза лишь усугубляла болезненную неуверенность. Тут Доггинз сказал успокаивающе:

– Давайте не будем заикливаться на этом. Я говорю не о слугах пауков, я говорю о нас с вами. Вы начали пункт за пунктом нарушать Договор, будучи еще пяти лет от роду. Вы все грамотны, в подвалах у вас припрятаны книги. Что противоречит Договору. Вам разве не хотелось бы, чтоб ваши дети обучались грамоте открыто, в нормальной школе, а не исподтишка?

– Мне кажется, ты усугубляешь, – огрызнулся Глорфин. – Какая разница, где именно мы обучаемся грамоте, если все равно ею овладеваем? Неужели нам настолько нужны такие лампы, когда к нашим услугам сколько угодно масляных светильников? У нас и так уже свободы, сколько нам надо.

– Сколько тебе надо, – безжалостно уточнил Доггинз.

– Да, сколько мне надо. И сколько надо моей семье. Почему нам не оставить все как есть?

– Согласен, – улыбнулся Доггинз примирительно. – И мне бы хотелось оставить все как есть; вернее, как и было. Но теперь этого уже не вернешь. Все изменилось, и деваться некуда, – он понизил голос и постучал по столу кончиком пальца. – Послушайте меня. Пауки сейчас поневоле пойдут на уступки лишь с тем, чтобы снова заключить мир. Мы их уни-

чтожили десятки, может, сотни. (Глорфин болезненно сморщился). По их закону нас всех полагается схватить и казнить, с женами и детьми впридачу. Но даже и того будет мало: в их законе заложено, что одна паучья жизнь стоит сотни человеческих. Если они пойдут на примирение, им на все это придется закрыть глаза. Так почему нам не использовать возможность и не заставить их изменить Договор о примирении?

Насупила тишина. Доггинз не сводил с собравшихся глаз, закрепляя достигнутое преимущество. Тут Глорфин поглядел на Найла.

– Я бы хотел выслушать мнение нашего гостя.

От неожиданности Найл растерялся. Он вопросительно поглядел на Доггинза, а затем со смешком понял, что Доггинз, как и остальные, начинают воспринимать его как негласного лидера.

– Не знаю, будет ли от моего мнения какая-нибудь польза для вас, – промолвил он. – Большую часть жизни я прожил в каменной норе, скрываясь от пауков. Они убили моего отца и угнали в неволю семью. Единственное, чего я хочу, это видеть свержение власти пауков...

Ему хотелось добавить: «Чтобы люди опять могли стать хозяевами Земли», но почувствовал, что это шокирует собравшихся.

– Да, я это понимаю, – сказал Глорфин, обращаясь почему-то к Доггинзу.

– Как раз то, чего хотелось бы и тебе.

Доггинз тщательно подумал, прежде чем ответить.

– В идеале, да. У меня душа никогда к ним не лежала. Но я знаю, что это вряд ли осуществимо. Поэтому предлагаю разве что изменить Договор о примирении.

Глорфин оглядел коллегую.

– Кто еще придерживается такого же мнения?

Милон и Уллик подняли руки; к удивлению, поднял руку и Симеон, до этого слушавший дискуссию с непроницаемым видом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.